

ПУЗЫРЕВСКАЯ М. А. — в ПОМПОЛИТ

ПУЗЫРЕВСКАЯ Маргарита Августовна, родилась в 1889 в Литве. Получила высшее образование. Вышла замуж, в семье — сын и дочь, с 1920 — вдова. Проживала в Керчи, работала статистиком в Рыбтресте. В апреле 1936 — арестована по обвинению в шпионаже, 26 июня приговорена к 5 годам ИТЛ.

В декабре 1936 — обратилась за помощью в юридический отдел Помполита.

<25 декабря 1936>

«Глубокоуважаемая Мария Петровна.

Обращаюсь к Вам, как к женщине, и прошу не отказать и выслушать мое горе и пойти мне навстречу.

Я одиночка, мне 46 лет, вдова уже 16 лет, по происхождению немка.

Военным трибуналом Черноморского Флота гор<ода> Севастополь 26 июня с<его> г<ода> осуждена лишением свободы сроком на пять (5) лет.

В выписке из приговора сказано, в открытом заседании слушалось дело, но оно слушалось в закрытом.

Меня обвинили в передаче не подлежащих оглашению сведений экономического характера частным лицам иностранных государств. Да, я имела переписку с 2-мя инженерами, которые в бытность свою были в г<ороде> Керчи, где я проживала и откуда была арестована.

Один из них был в г<ороде> Керчь первый раз в 1932 г<оду> по своим делам на Госмедзаводе. В то время дочь моя, девица 19 лет, служила секретарем-переводчиком коммерческого директора ГМЗ. Он был представителем фирмы "Гальпер и Гаас", которая заключила договор с Чехословакией на закупку на ГМЗ томасовской муки. Фамилия его была Гаас.

Будучи в 1932 в г<ороде> Керчь по своим делам на ГМЗ, он жил <нрзб>, с которым и приехал, вечером попросил разрешения зайти к нам, я в то время жила вместе с дочерью в Керчи. В 1933 г<оду> он приехал вторично по своему делу, это было в январе м<еся>це 1933 г<ода>. В этот раз он был длительней и также вечером заходил к нам. Так произошло знакомство мое с инж<енером> Гаасом.

Потом он писал иногда. Ему очень понравилась моя дочь и, уезжая, он сказал: "Пусть она будет моей племянницей". Так он и называл ее в письмах. На его письма я отвечала не сразу. Сначала не хотела вовсе отвечать, но не выдержала, ибо трудно быть некультурной, да и законом переписка не была запрещена. В письме однажды он задал вопрос: "Есть ли томасовская мука", — на что я ответила "есть", не задумываясь, т<ак> к<ак> я не считала это секретом, зная со слов инж<енера> Гааса, что он по договору закупил определенное количество томасовской муки. В другой раз он опять как-то спросил, была ли авария на мельнице, я также ответила, "да, была", — это тоже не было секретом, и после этого я ему написала, чтобы он не затрагивал вопросов дела, и он мою просьбу исполнил.

Но вся беда в том, что в конце 1933 г<ода> я была больна, и мне нужно было лекарство, прочитав объявление: "Пишите своим знакомым, родственникам, чтобы Вам прислали на Торгсина", — и я ему написала открытку в 1933 г<оду> ноябре м<еся>це. Вскоро он мне из Чехословакии прислал 10 долларов. Получив, я поблагодарила и тут же сообщила, что дочь моя вышла замуж, от меня отделилась. На это он поздравил меня и ее и прислал ей, как свадебный подарок, 10 дол<ларов>.

Вот все деньги, которые я от него получила. Мне поставлено на вид, что я за свою шпионскую деятельность получала валюту. Переписка продолжалась и в 1934-35 г<ода>, я отвечала открытками, а сообщать что-либо нецензурное я никогда не делала. Ведь есть контроль, т<о> е<сть> цензура, и если бы она мне не доставляла корреспонденцию, а также не допускала мою, то я бы не писала и в данный момент не страдала. Неужели, если бы я занималась шпионской деятельностью, инж<енер> Гаас ограничился бы присылкой 20 дол<ларов> и, если бы я на это шла, то не воспользовалась бы случаем пожить и приодеться? Я женщина самостоятельная, служу 15 лет, достаточно самолюбива и никогда не прибегала ни к каким поддержкам. Видела я очень трудные минуты в жизни. Я осталась вдовой с 2 детьми, мальчик умер, осталась дочь, которую я воспитала, дала образование и самостоятельно и честно трудилась, а уж в 1933 г<оду>, где мы обе работали, мне не могла прийти в голову такая низкая мысль. Была несчастная случайность, за что я так сильно пострадала.

В начале 1935 г<ода> я получила от него письмо, где он писал, что он больше не торгует. Значит, он никакого отношения по вопросу торговли к нам не имеет. За весь 1935 г<од> он мне написал 2 письма, в начале и конце года.

Но вот в деле моем при ознакомлении я столкнулась с информацией, которую сделал в Керч<енском> отд<еле> НКВД тов<арищ> Айдым Л. Л., где он так смело и нагло донес, что я ему читала письмо, где переводила якобы условность письма, вроде он меня, т<о> е<сть> инж<енер> Гаас запрашивает, есть ли сведения? На что я условно должна была ответить: "Мама заболела", — а если сведений нет, то вроде: "Папа заболел". Это было якобы в мае м<еся>це 1935 г<ода>, а в июне якобы говорила, что также получила от него письмо, где он якобы пишет, что ему отгружается томас<овская> мука, и чтобы я за этим проследила. Как мог такую бесстыдную клевету, да еще 10 других вопросов, которые я ему никак не задавала, донести человек? Весь его донос исключительно ложный. Он воспользовался моей беззащитностью и еще тем, что я не смогла даже его разоблачить на суде, т<ак> к<ак> он не явился, и я осталась виновной, а он восторжествовал.

Я виновата в том, что я просила его <Айдыма> мне сказать, отгружается ли в 1935 г<оду> томасовская мука, но в то же время я его предупредила, если это можно, чтоб он мне сообщил, и сказала: "Здесь нет ничего такого". Он в своем донесении не останавливался ни перед чем. Даже ложно донес о встрече каких-то несуществующих иностранцев, что мой второй муж якобы служил в контрразведке и даже не пощадил и моей дочери, которую тоже запутал, где только мог.

Убедительно прошу, заострить Ваше внимание на его ложном доносе и защитить как женщину, не дать возможности восторжествовать над мной, как существом беззащитным.

Вторая переписка у меня была с инж<енером>-специалистом, который был прислан "Союзрыбой" в Рыбтрест г<орода> Керчь на работу в 1932 г<оду>, фамилия его была Крюгер, я в то время работала статистиком в Рыбтресте г<орода> Керчи и администрацией была прикреплена к нему переводчицей по 2 часа в день. Он был в Керчи 2 м<еся>ца. В это время он заболел дизентерией, и я вынуждена была за ним ходить, т<ак> к<ак> он не владел русским языком, а в больницу он лечь не соглашался. Уезжая, он мне сказал, что он мне многим обязан и никогда не забудет.

Память обо мне выражалась в его переписке, которая была не более 2-3 раз в год с его стороны, а что касается меня, то и того реже. УНКВД г<орода> Симферополь обвинил меня также в переписке условного с ним

характера и, несмотря на мое чистосердечное признание и клятву, которую я давала, все же осталась при своем. Я была наказана 2,5 м<еся>цев одиночным заключением и, если бы переписка была условная, неужели мои нервы смогли выдержать эти сильные муки и скрыть, и не сознаться? Нет, этого нельзя бы было выдержать. Но и тут все же мне веры не было.

На суде выступал инж<енер> Ерченко, который в своем показании говорил, что инж<енер> Крюгер жил у меня, и что якобы я проводила во время работы среди рабочих переводы антисоветской агитации. Как первое, так и второе не подтвердилось правильностью подтверждения ни со стороны тов<арища> Ерченко, ни со стороны рабочих Рыбтреста.

Есть также обвинение, что я якобы вела антисоветскую пропаганду среди служащих Госмедзавода в лице тов<арища> Айдапьяна? Да, у меня был с ним разговор, который был им же вызван, на основании имевшей место газетной статьи центральной газеты 1935 г<ода>, где он высказывался больше меня. Неужели можно сагитировать взрослого человека при одном разговоре? Я никогда не занималась политическими вопросами — агитацией. Оба свидетеля спекульнули на своих доносах и за недоказанностью, вернее не проанализированных фактах право осталось за свидетелями, а все мои клятвы и чистосердечные признания остались без внимания.

Вина моя, которая заключалась в переписке с инж<енером> Гаасом, где я затронула ответом 3 вопроса, я созналась чистосердечно, но сделала это я нечаянно, не думая, что этого нельзя, но не с целью. Еще в 1934 г<оду> я писала германскому консулу заявление с просьбой ответить мне, возможен ли выезд в Германию, куда я хотела поехать к своей сестре и брату, которые живут там уже больше 20 лет.

Я, оставшись одинокой, т<о> е<сть> закончив свои обязанности, как мать, думала еще повидаться со своими, а так как я была до замужества Германско-подданная, чтобы легче осуществить свою мысль, я спросила, разрешается ли это законом. Получила отрицательный ответ, на этом дело покончилось. Неужели здесь есть преступление? Ведь беззаконного я ничего не совершила.

Я всю жизнь честно трудилась, была верна своему долгу и стране, в которой я выросла и живу и, если я заблудилась или, может, попала под влияние, то лишь незаметно для себя.

Знакомство с иностранцами я не искала, а если приходилось сталкиваться, то лишь по роду службы и потому что владею немецким языком, т<ак> к<ак> он мой родной.

Прошу Вас рассмотреть мое дело и разобраться в моем преступлении. Действительно заслужила я такую суровую кару, к какой я присуждена.

Дело за № 004 Военного Трибунала Черноморского флота гор<ода> Севастополя, я нахожусь в заключении в тюрьме в Симферополе.

Надеюсь на Вашу заботливость о женщине беззащитной, остаюсь с товарищеским приветом.

Пузыревская Маргарита Августовна.

Приложение: 5 руб<лей> денег на расходы

Р. С. Керч<енское> НКВД, кроме этого, без всякой описи выставила мои вещи из квартиры и заняла мою жилплощадь, так я осталась бездомной на старости лет. Имели ли они право так меня разорить?

М. Пузыревская»¹.

В начале 1937 — Маргарита Августовна Пузыревская была отправлена в лагерное отделение Дальстроя. Весной 1938 — арестована как «участница контрреволюционной повстанческой организации», 11 мая приговорена к ВМН и 16 июня расстреляна².

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1505, С. 68-70. Автограф.

² «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.